

О блудном сыне

Дорогие братья и сестры,

лишь в Евангелии от Луки содержатся обе притчи: о потерянной овце и о потерянной драхме, равно как и притча о блудном сыне. Это подлинные сокровища Нового Завета, и не в последнюю очередь благодаря им Евангелие от Луки было названо Евангелием милосердия. Хотя понять эти притчи совсем нетрудно, необходимо всё же вновь и вновь осмыслять их для себя, чтобы и в нынешние времена мы, христиане, не разучились день за днем жить радостью о Божиим милосердии.

Слушателями Иисуса были, с одной стороны, мытари и грешники, а с другой – фарисеи и умудренные в писаниях книжники. Всем им Иисус возвещает словом и делом милосердие Божие. Но происходит нечто странное: принимают Его проповедь и радуются ей люди не праведные и набожные, а как раз далекие от Бога и даже преступники. Лука намеренно выводит фарисеев и грешников столь шаблонными, чтобы нам стало ясно: кто стоит в самом низу, кто чувствует себя заблудшим и недостойным Бога, тот скорее будет искать у Него милости и милосердия, тот и почувствует на себе ту легкость, радость и утешение, которые дарит Радостная Весть нашего Господа. А тот, кто, напротив, убежден в своей моральной безупречности и порядочности, кто считает себя человеком благочестивым и праведным, у того Божие милосердие не вызывает радости, поскольку уж он-то в нем, якобы, вовсе не имеет нужды.

Он может даже дойти до того, чтобы отказывать в нем тем людям, которые, по его мнению, вовсе не заслуживают милосердия. Но на это Иисус отвечает: «На небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии».

Однако давайте еще один раз повнимательнее вчитаемся в те слова, которые говорит нам Иисус в своей притче. Вот младший сын, который уходит из дому, чтобы с головой окунуться в жизнь и, насколько возможно, насладиться ею. Что ж, такое случается нередко. Поначалу наш молодой человек несколько не замечает последствий своего поступка. Он забыл об отце, то есть, о Боге, и видит теперь лишь самую поверхность жизни, ее материальную сторону, мнимую дружбу,

пустые развлечения и тому подобное. И лишь когда кончаются деньги, и молодой человек обнаруживает себя среди свиней, он, наконец, приходит в себя. Охваченный внутренней пустотой и отвращением, он вдруг осознает, чего не хватало ему все это время: отца, подлинных отношений с Богом, которыми он пренебрёг ради чего-то, что казалось ему более привлекательным. Заметим: такой опыт — это уже благодать. Далеко не все люди доходят хотя бы до этого.

«И тогда он пришел в себя» или, как еще можно перевести греческий текст Евангелия, «он вошел в себя». Здесь-то и происходит решительный поворот. Молодой человек ужасается себе самому, вспоминает о своем прошлом и всем сердцем сокрушается о своих ложных путях. Такое «вхождение в себя» и есть уже возвращение, обретение пути к себе самому — туда, где ждет Бог. Ибо, как исповедует Августин, «Ты был внутри меня, пока я блуждал вовне, словно тень меня самого».

Сын возвращается к отцу — к Отцу всех отцов, Который есть любовь. Для этого нужно мужество – пусть и не такое большое, как поначалу думал в себе сын, ибо вот, отец уже выбегает к нему навстречу, обнимает и целует его и устраивает ему радостный пир. Ни упреков, ни обвинений, ни наказаний. Ему довольно и самообвинений сына. Какая радость, должно быть, наполнила тогда сердце сына: ведь он был всё равно что мертв – и ожил, он был потерян – и снова нашёлся!

Но тут появляется старший брат. Судя по тому, что сказано о нём в этой притче, он такой же заблудший сын, как и младший. Мы только не узнаём, позволит ли он вновь отыскать себя. Он разрывает все отношения с братом, упоминает о нём с пренебрежением: «этот твой сын!» – и не желает иметь с ним ничего общего. Он столь горд своей порядочной жизнью, что не чувствует, до какой степени сам он живет любовью своего отца. Он столь убежден в своей праведности, что неспособен на милосердие. Совершенно очевидно, что этот сын является образом отверженных закону фарисеев. Богу с ними приходится ещё труднее, чем с грешниками, поскольку им кажется, что они не имеют нужды в чьём-либо милосердии.

Мы с вами движемся большими шагами навстречу посту. Уже сегодня во мраке нашей жизни загорается первый огонёк грядущей Пасхи. Во всяком случае, эту радость готово нам подарить сегодняшнее Евангелие.

В завершение один вопрос: тяготит ли нас грех, в котором мы увязли? Действительно рады ли мы евангельской вести, которая указывает нам путь, выводящий нас на свободу? И если нет, нам стоит со всей серьёзностью спросить себя, не нас ли имеет в виду евангелист, рассказывая о старшем сыне. Ведь тот всю свою жизнь видел своими глазами сияние любви – и всё же не вышел на свободу, остался в стенах своей собственной темницы, в своём ожесточении озабоченный лишь одним: как бы не дать слабину – хотя бы тем, чтобы принять незаслуженный дар, не говоря уж о том, чтобы давать самому или, более того, отдавать самого себя.

Аминь!

Архимандрит Митрофан